

СУБЪЕКТ КАК ЛОГИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ)

Фахриддин Исраилович АБДУРАХМАНОВ

Кандат педагогических наук, доцент

Узбекский государственный университет мировых языков. Ташкент, Узбекистан

РУС ВА ЎЗБЕК ТИЛЛАРИ АСОСИДА СУБЪЕКТ МАНТИҚИЙ-ГРАММАТИК КАТЕГОРИЯ СИФАТИДА

Фахриддин Исраилович АБДУРАХМАНОВ

Педагогика фанлари номзоди, доцент

Ўзбекистон давлат жаҳон тиллари университети. Тошкент, Ўзбекистон

SUBJECT AS A LOGIC-GRAMMATIC CATEGORY IN RUSSIAN AND UZBEK

Fakhriddin Israilovich ABDURAKHMANOV

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

Uzbek State World Languages University. Tashkent, Uzbekistan

UDC (УЎК, УДК): 81–139

**For citation (иктибос келтириш учун,
для цитирования):**

Абдурахманов Ф.И.. Субъект как логико-грамматическая категория (на материале русского и узбекского языков)//

Ўзбекистонда хорижий тиллар. — 2020. — № 1(30). — С. 59–67.

<https://doi.org/10.36078/1583747151>

Received: December 20, 2019

Accepted: February 15, 2020

Published: February 22, 2020

Copyright © 2020 by author(s).

This work is licensed under the Creative Commons Attribution International License (CC BY 4.0).

<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Open Access

Аннотация. В статье рассматривается категория субъекта как наиболее употребительная форма проявления логико-лингвистической категории, которая может иметь в качестве денотата живое существо, лицо, предмет, явление, понятие или какой-нибудь признак, которые могут быть производителями (агенсами) или носителями признаков. В рассматриваемых языках выбор того или иного разряда существительного для заполнения позиции подлежащего предопределяет выбор самой модели предложения и глагола.

Сравнение разносистемных языков показывает, что подлежащее представляет наиболее употребительную форму представления логико-лингвистической категории субъекта. Выбор определенного разряда существительного в качестве подлежащего в сопоставляемых языках не всегда производится одинаково.

Обзор литературы, касающейся проблемы определения субъекта, позволил выделить два основных подхода к ее решению: формальный и семантический. В рамках формального подхода существует несколько критериев, по которым можно определить субъект предложения.

Ключевые слова: объект; субъект; позиция; сема; агентив; активность; одушевленность; намерение; лицо.

Аннотация. Мақолада субъект категориясини денотат сифатида асосан ишлатиладиган шахс логико лингвистик категорияси жонли мавжудот, объект, ҳодиса, тушунча ёки ишлаб чиқарувчилар (агенслар) ёки белгилар, ташувчилар бўлиши мумкин бўлган бирор белгига эга бўлиши мантикий-лисоний категориянинг энг кенг тарқалган намоён бўлиш шакли деб қаралади. Кўриб чиқиладиган тилларда предмет ўрнини тўлдириш учун маълум бир от туркумини танлаш гап моделини ва феълнинг ўзини танлашни белгилайди. Тилларнинг турли тизимларини типологик таққослаш шуни кўрсатадики, субъект “субъект”нинг мантикий-лингвистик категориясини ифодалашнинг энг кенг тарқалган шакли ҳисобланади. Қиёсланаётган тилларда маълум бир от сўз туркумини предмет сифатида танлаш ҳар доим ҳам бир хил эмас. Мавзуни аниқлаш ва ўрганиладиган муаммога оид адабиётларни кўриб чиқиш, уни ҳал қилишнинг икки асосий ёндашувини аниқлаш имконини берди: расмий ва семантик. Формал ёндашув доирасида таклиф, предметини аниқлаш учун фойдаланиш мумкин бўлган бир қанча мезонлар мавжуд.

Калит сўзлар: объект; мавзу; позиция; сема; агентив; фаолият; жонли; ният; юз.

Abstract. The article considers the category of the subject as the most common form of manifestation of the logical-linguistic category, which may have a living being, face, object, phenomenon, concept or some sign that may be producers (agents) or carriers of signs as denotation. In the languages under consideration, the choice of one or another category of noun to fill the position of the subject determines the choice of the sentence model itself and the verb.

Typological comparison of different systems of languages shows that the subject is the most common form of representation of the logical-linguistic category of "subject". The choice of a certain category of a noun as a subject in the compared languages is not always the same.

The concept of subject is the most debatable in modern linguistics. The term subject refers to a variety of phenomena: formal, grammatical, logical, and semantic. A review of the literature on the problem of defining the subject allowed us to identify two main approaches to its solution: formal and semantic. Within the formal approach, several criteria can be used to determine the subject of the proposal.

Keywords: object; subject; position; seme; agent; activity; animation; intention; person.

К наиболее распространенным характеристикам субъекта относят его функцию быть носителем предикативного признака (1, 293). Еще в аристотелевской логике под субъектом понимался носитель свойств, состояний и действий (16, 398). В этом понятие субъекта тождественно понятию субстанции. Это говорит о том, что к данной функции тяготеют имена предметной семантики. Тем не менее в предложении позицию субъекта могут занимать слова призначного характера: инфинитив, отвлеченные имена.

Субъект как логико-лингвистическая категория может быть реальным и нереальным производителем действия и выражаться самыми различными языковыми средствами: подлежащим в активной, пассивной, возвратной, и в эргативной, инактивной, аффективной моделях предложений; формами косвенных падежей в языках эргативного строя и флексией глагола.

Форма синтаксического подлежащего — одна из наиболее употребительных форм, в которой проявляется субъект как логико-лингвистическая категория.

В процессе синтезирования предложения безразлично, какое существительное выбрано в качестве подлежащего, так как выбор существительного определенного разряда предопределяет выбор глагола, а также модели предложения (13, 7).

Выбор определенного разряда существительного в качестве подлежащего характеризует процесс выбора как свойство системно-приобретаемое (14, 8). В рассматриваемых языках системно-приобретаемые свойства существительных либо совпадают, либо нет. Функциональные расхождения и схождения приводят к расхождениям и схождениям типологического характера. Так, в следующих примерах русского и узбекского языков понятие *жизнь* рассматривается сквозь призму логико-лингвистической категории субъекта. Одинаковый выбор существительных или его субститута приводит к одинаковому выбору модели предложения. Ср.: *Жизнь прожить — не поле перейти. Его назойливость раздражает меня.*

Улар коляскада жўнаб кетишди. Чорраҳада биронта ҳам кафе йўқ эди.

Выделенным словам, находящимся в позиции субъекта, можно приписать сему (предметность) только по их грамматическим показателям, а именно их способности выполнять функцию подлежащего (8, 154; 12, 93).

А.М. Пешковский называет такие имена *опредмеченными* (11, 71) признаками. Однако это возможно только на грамматическом уровне, а на семантическом уровне они представляют собой свернутые пропозиции. Поэтому в силу своего сигнификативного значения они не могут выполнять функцию носителя предикативного признака. Г.А. Золотова дает такому субъекту определение «признаковый или пропозициональный субъект» (7, 144). Мы полагаем, что подобные имена хотя и занимают субъектную позицию, но не являются таковыми, и им следует приписывать иные роли. На семантическом уровне они усложняют элементарную предикативную структуру, превращая ее в полипредикативную, что можно показать путем их трансформации — развертывания в отдельную пропозицию.

Его назойливость раздражает меня <=> Я раздражаюсь, потому что он назойлив.

Унинг бепарволиги мени асабийлаширади <=> Мен асабийлашаман, чунки у зерикарли.

По замечанию Е. Куриловича, «абстрактные существительные как бы резюмируют целое предложение, опираясь на его сказуемое. Это значит, что они основаны на синтаксической субстантивации сказуемого, которое может быть выражено глаголом или прилагательным» (9, 61). Пользуясь терминологией В.В. Богданова, такие имена представляют собой включенные (нематричные) предикаты включающего (матричного) предиката, выраженного финитным глаголом (5, 98).

Агентивное значение

Очень часто семантический субъект связывают с понятием агента — производителя действия (17, 21; 3, 135). Здесь не следует смешивать два понятия, одно из которых — понятие субъекта —

является более общим. Агентив — это лишь одна из возможных характеристик субъекта. В зависимости от типа предиката (его семантики) последний может нести различные семантические нагрузки. Роль агентива он выполняет лишь при глаголах со значением активного действия и обозначает объекты, которые используют собственную энергию в совершении действия (8, 52). Агентивы, как правило, репрезентируются в языке именами одушевленными. Д. Круз присоединяет к ним, кроме живых существ, некоторые типы машин (компьютеры) и природные агентивы (например, ветер). Он полагает, что «неодушевленные объекты могут приобретать “временную агентивность” в силу их кинетической или другой энергии» (17, 16).

Признак «одушевленность»

При определении субъекта большое значение имеет семантическая категория одушевленности. Так, в «Грамматике падежа» постулируется правило выдвижения на эту роль прежде всего человеческого или одушевленного существа (6, 371).

Признак намерения по отношению к действию.

К отмеченной семантической характеристике субъекта — одушевленность — присоединяется еще одна — инициатива в осуществлении действия (12, 99). Такой способностью обладают имена, обозначающие человеческое существо — лицо. Действие, исходящее от него, имеет всегда элемент намерения, что не присуще природным агентивам. Последние обладают только признаком активности. Таким образом, можно определить иерархию семантических признаков, участвующих в выборе актанта на роль субъекта:

(активность) — (одушевленность) — (намерение) — (лицо)

Возможность опущения в тексте

Данный признак отмечается Ю.Д. Апресяном, он указывает, что в синтаксической структуре предложения субъектом является тот член, который имеет наименьшую возможность опущения, иначе нарушается правильность высказывания (2, 137).

При выделении субъекта предложения пользуются еще одним критерием, связанным с актуальным членением предложения, а именно: с субъектом часто соотносят тематический элемент актуального членения.

Так, С.Д. Кацнельсон пишет, что «именно функция темы, присоединяясь к одному из аргументов, превращает последний в субъект предложения» (4, 116). Н.Д. Арутюнова также считает, что «субъект представляет своеобразный мост, связывающий прошлое с настоящим, известное с неизвестным. Он как бы создает необходимый фон для понимания новой информации, о которой говорится в предикате» (3, 322).

Таким образом, субъект в таком освещении — имя с меньшей информативной нагрузкой.

Рассмотрев критерии, участвующие в выборе субъекта предложения, нам необходимо установить, какие из признаков являются релевантным для определения субъекта изучаемых предложений. Ведь именно эти конструкции представляют интерес для проблемы выбора субъекта, так как они организованы предикатами, которые открывают места для трех аргументов,

поэтому встает вопрос: какой из них будет выполнять данную функцию.

Анализ двуобъектных предложений позволяет сделать вывод, что основным критерием выделения субъекта среди других аргументов трехместных предикатов является семантический — это иерархия семантических признаков в значении имен, называющих партиципранты ситуации (15, 105).

Субъекту, как правило, принадлежит более активная роль — инициатива — в выполнении действия: как физического (конкретного), так и психического (умственного, эмоционального и т.п.). Такую функцию способны выполнять в первую очередь имена одушевленные, а среди них — имена лиц.

Таким образом, под субъектом понимается носитель предикативного признака со значением лица, обладающего активностью, намерением, инициативой в совершении действия. Выбор компонента с указанными признаками на роль субъекта обусловлен главенствующей позицией последнего в иерархическом ряду конструктивных компонентов предложения. При наличии в структуре предложения двух лиц, по замечанию С.Д. Кацнельсона, функцию субъекта выполняет то, чья активность превалирует (8, 191).

Он подцепил на вилку большой кусок. Колю я тоже звал профессором.

У вилкада катта бўлакни олди. Коляни профессор деб чақирар эдим.

Обзор исследуемых предложений показал, что субъектная позиция может замещаться именами предметной семантики, содержащими сему (вещность), но не являющимися одушевленными, а также именами пропозитивной семантики (отвлеченными именами). Рассмотрим данные случаи.

1. *В верстах в двух, должно быть, возле самой реки горел костер — он напомнил Александру о сиром одиночестве пастушьей жизни;*

Ўша самолётда у Парижга кетади...

2. *Плен научил меня многому; Ишга бориши фикрини унга Жулияни эслатди.*

И в (1) и в (2) случаях выделенные слова не являются обозначением субъекта, поскольку не обладают собственной энергией к совершению действия. Они служат своего рода толчком, причиной действий истинного субъекта: в (1) субъект — это *Александр* и *у*, а в (2) — *меня* и *унга*, которые совершают некоторое умственное действие в силу отмеченных причин. К этим предложениям можно применить метод трансформации.

Александр вспомнил о сиром одиночестве пастушьей жизни, когда увидел костер: У ўзининг болалик давридаги кучугини йодга олиб, унинг маюс жигарранг кўзларини кўргандай бўлди.

Я знаю многое, потому что я был в плену. Мен кўп нарсани биламан, чунки асрда бўлганман.

В отмеченных предложениях наблюдается асимметрия синтаксического и логического планов. Субъект получает в русском языке выражение в форме косвенного падежа (дательного) имени, а в узбекском языке находится в несвойственной ему

постпредикатной позиции, не являющейся первичной для данной функции (10, 155).

Объект как в русском, так и в узбекском языках оформляется подлежащим. Расхождение плана содержания и плана выражения происходит в структурах, организованных предикатами определенной семантики: психической деятельности человека, побуждения к действию. Причем такое расхождение может встречаться не только в случаях, когда субъектная позиция занята именами отвлеченного характера, но и одушевленными именами.

Например: (3) *Филлип, вы мне напоминаете лжеца из восточной притчи; Филлип сиз менга шарқий хадислардан ёлгончини эслатяписиз.*

В (3) слова *мне* и *менга* являются подлинными обозначениями субъектов, совершающих определенные умственные действия, а слова *вы* и *сиз* выражают объекты, служащие причиной данных действий. Субъект получает выражение в форме косвенного падежа также при трансформации пассивизации.

Итак, иерархия семантических признаков имени служит основным критерием выбора аргумента на роль субъекта. Остальные признаки, участвующие в его определении, дополнительные. К их числу относятся следующие.

Степень возможности опущения субъекта в структуре предложения. Она является минимальной. Как в русском, так и в узбекском языках опущение данной функции происходит ввиду условий контекста, когда уже ясно, о ком идет речь.

Ср.: *Он вышел во двор, нашел в сарае молоток и с десяток больших гвоздей. Положил все это в карман и вошел снова в дом; У ҳовлига чикди ва омбоҳонадан болга билан ўнлаб михлар топди. Ҳамма нарсани чўнтакка солди ва уйдан яна чикди.*

Падежная форма актанта и его позиция в структуре предложения относительно предиката. Основной формой репрезентации субъекта в двуобъектных предложениях как в русском, так и в узбекском языках служит подлежащее.

Понятие объект и проблема разграничения первого и второго объектов

Проблема разграничения объектов также приобретает значение лишь при рассмотрении структур с трехвалентными предикатами, требующими, кроме субъекта, еще два объекта. В поверхностной структуре объекты манифестируются двумя дополнениями. Их разграничение, т.е. решение вопроса о том, какой из них является первым объектом (O_1), а какой — вторым (O_2), необходимо для правильного установления диатезы, а также — для определения структурного минимума предложения, в который входят только объектные функции, исключая сирконстанты.

В процессе генерирования предложения безразлично, какое существительное выбрано в качестве подлежащего, так как выбор существительного определенного разряда предопределяет выбор глагола, а также модели предложения.

Выбор существительного определенного разряда осуществляется наряду с категоризацией понятий и показывает, что в типологически сравниваемых языках выбор существительного в качестве подлежащего неодинаковый, что влияет и на выбор модели предложения.

Дифференциальные признаки существительного определяют выбор модели предложения и глагола. В таких случаях можно с достаточной степенью точности установить набор способов выражения субъекта при заданном типе предиката. Следовательно, несмотря на разнообразие форм выражения субъекта, в языке существует ограниченный набор синтаксических форм его репрезентации.

Поиск наиболее точных критериев определения субъекта заставляет лингвистов все более обращаться к формальной стороне языка, а именно к падежной форме. Хотя в русском языке, как и в узбекском языке, субъект может выражаться любым косвенным падежом имени, основной формой его выражения в двусоставном предложении является подлежащее (именительный падеж).

Использованная литература

1. Алисова Т.Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М.: Изд-во МГУ, 1971. — 293с.
2. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. — М.: Изд. Восточная литература, 1995— 482 с.
3. Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии, т.1, Парадигматика. — М.: Языки славянских культур, 2009, 568 с.
4. Арутюнова Н.Д. Семантическая структура и функции субъекта// Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. — М.: Изд. АН СССР, 1979, Т. 38, № 4. — С. 323–334.
5. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. — 204 с.
6. Демьянков В. З. «Субъект», «тема», «топик» в американской лингвистике последних лет// Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. — М., 1979, Т. 38, № 4. — С. 368–372.
7. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. — М.: Наука, 1982. — 368 с.
8. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. — Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1972. — 216 с.
9. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая. К теории частей речи. — В кн.: Очерки по лингвистике. М., 1962, с.57-71.
10. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений/ Отв. ред. В.А. Успенский. Изд. 5-е, испр. М.: Издательство ЛКИ, 2008. — 296 с.
11. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп.— М.: Языки славянской культуры, 2001. — 544 с.
12. Попова О.Д., Складнюк З.Г. К вопросу о семантической характеристике предложного дополнения трехчленной пассивной конструкции// Исследование структуры английского языка. Межвузовский сборник. — Ижевск, 1978. С. 97–104.
13. Сорокина Е.Н. Русские глагольные предложения с обязательной позицией имени в форме родительного падежа без предлога: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Новосибирск, 2009. 26 с.
14. Томас Е.В. Структура и семантика русских глагольных предложений с обязательным именным компонентом в форме винительного падежа с предлогом Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Новосибирск, 2011. — 26 с.

15. Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М.: Флинта: Наука, 2002. с.462
16. Философский словарь. /Под ред. М.М Розенталя/. 3-е изд.— М.: Политиздат, 1975. — 496 с.
17. Cruse D.A. Some Thoughts on Agentivity. — Journal of Linguistics. —L., 1979 vol. 9, No 1, p.11-23.

References

1. Alisova T.B. *Ocherki sintaksisa sovremennogo ital'yanskogo yazyka* (Essays on the Syntax of Modern Italian), Moscow: Izd-vo MGU, 1971, 293 p.
2. Apresyan Yu.D. *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka* (Lexical Semantics. Synonymous Means of Language), Moscow: Izd. Vostochnaya literatura, 1995, 482 p.
3. Apresyan Yu.D. *Issledovaniya po semantike i leksikografii* (Research on Semantics and Lexicography), vol.1, *Paradigmatika* (Paradigmatics), Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2009, 568 p.
4. Arutyunova N.D. *Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Literature and language series*, Moscow, 1979, vol. 38, No 4, pp. 323–334.
5. Bogdanov V.V. *Semantiko-sintaksicheskaya organizatsiya predlozheniya* (Semantic and Syntactic Organization of the Sentence), Leningrad: Izd-vo LGU, 1977, 204 p.
6. Dem'yankov V. 3. *Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Literature and language series*, Moscow, 1979, vol. 38, No 4, pp. 368–372.
7. Zolotova G.A. *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa* (Communicative Aspects of Russian Syntax), Moscow: Nauka, 1982, 368 s.
8. Katsnel'son S.D. *Tipologiya yazyka i rechevoe myshlenie* (Typology of Language and Speech Thinking), Leningrad: Nauka. Leningr. otdelenie, 1972, 216 p.
9. Kurilovich E. *Ocherki po lingvistike* (Essays on Linguistics). Moscow, 1962, pp.57–71.
10. Paducheva E.V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost's deistvitel'nost'yu: Referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii* (Utterance and its Relation to Reality: Referential Aspects of Pronoun Semantics), Moscow: Izdatel'stvo LKI, 2008, 296 p.
11. Peshkovskii A.M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* (Russian Syntax in a Scientific Light), Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2001, 544 p.
12. Popova O.D., Skladnyuk Z.G. *Issledovanie struktury angliiskogo yazyka* (Study of the Structure of the English Language), Izhevsk, 1978, pp. 97–104.
13. Sorokina E.N. *Russkie glagol'nye predlozheniya s obyazatel'noi pozitsiei imeni v forme roditel'nogo padezha bez predloga* (Russian Verb Sentences with the Obligatory Position of the Name in the Form of the Genitive Case without a Preposition), extended abstract of candidate's thesis, Novosibirsk, 2009, 26 p.
14. Tomas E.V. *Struktura i semantika russkikh glagol'nykh predlozhenii s obyazatel'nym imennym komponentom v forme vinitel'nogo padezha s predlogom* (Structure and Semantics of Russian Verb Sentences with a

Mandatory Nominal Component in the Form of an Accusative Case with a Preposition), extended abstract of candidate's thesis, Novosibirsk, 2011, 26 p.

15. Russkie glagol'nye predlozheniya: Eksperimental'nyi sintaksicheskii slovar' (Russian Verb Sentences: an Experimental Syntactic Dictionary), Moscow: Flinta: Nauka, 2002, 462 p.

16. *Filosofskii slovar'* (Philosophical Dictionary), Moscow: Politizdat, 1975, 496 p.

17. Cruse D.A. Journal of Linguistics, London, 1979, vol. 9, No 1, pp.11–23.